

НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ «ОДЕСЬКА ЮРИДИЧНА АКАДЕМІЯ»
МІЖНАРОДНИЙ ГУМАНІТАРНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМ. І. МЕЧНІКОВА
ЛЬВІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМ. І. ФРАНКА
ПРИКАРПАТСЬКИЙ ЮРИДИЧНИЙ ІНСТИТУТ
ЛЬВІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ВНУТРІШНІХ СПРАВ

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ КРИМІНАЛЬНОГО ПРАВА, ПРОЦЕСУ ТА КРИМІНАЛІСТИКИ

**МАТЕРІАЛИ II-ї МІЖНАРОДНОЇ
НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ**

Том 1

**Кримінальне, кримінально-виконавче право
та кримінологія**

8 жовтня 2010 року

Одеса
2010

ототожнення з убивством, лікар, який припинить життя невиліковно хворого на прохання останнього буде визнаний банальним вбивцею. Усвідомлення абсурдності зазначеної ситуації та перегляд кримінально-правової оцінки такого діяння має привести до висновку про доцільність легалізації так званої евтаназії. Але за умови, що нею буде визнаватися лише припинення життя хворого лікарем за спеціально визначеною та жорстко контрольованою процедурою. Отже, у випадку виокремлення позбавлення життя на прохання його носія з числа вбивств у самостійний склад злочину його суб'єкт має бути загальним, а не спеціальним.

Суб'єктивна сторона позбавлення життя на прохання особи із співчуття до неї характеризується прямим умислом, адже метою виконавця цього злочину є позбавлення хворого від страждань шляхом заповідання йому смерті. Зазначена мета обумовлює й характер мотивації діяння. У своїй основі вона не є соціально небезпечною. Інша справа, що суб'єкт вдається до забороненого способу досягнення мети. Саме через це означене діяння й має вихватитися злочином, але не вбивством.

Враховуючи зазначене доходимо висновку, що за своєю кримінально-правовою природою позбавлення життя смертельно хворої людини на її прохання є умисним позбавленням життя без ознак убивства. Суспільна небезпечність цього діяння, беручи до уваги якісний стан об'єкта на який воно посягає, бажаність настання смерті для людини, яка терпить страждання, що обумовлює ненасильницький характер злочину, а також відсутність його суспільно-шкідливої мотивації, є значно меншою в порівнянні з убивством. Через це його необхідно визнати злочином невеликої тяжкості, а в перспективі — за умови реалізації ідеї розподілу кримінальних правопорушень на злочини та проступки — можливо й кримінальним проступком.

В.А. ТУЛЯКОВ

*доктор юридических наук, профессор
Национальный университет «Одесская юридическая академия»
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины*

ВИКТИМОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА (ПУТИ РЕКОНСТРУКЦИИ РАЗДЕЛОВ I и II ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК УКРАИНЫ)

В теории уголовного права сложилось устойчивое мнение, что развитие современной уголовно-правовой доктрины обладает определенной рациональностью в плане большего понимания по сравнению со своими предшественниками, того что должно быть объявлено преступным и будет наказано. Однако, как правило, рациональность и красота доктрины, натываясь на откровенное непонимание и непринятие законодателем блес-

тящих идей теоретиков уголовного права, рождает «флюгерность» уголовной политики.

Практически все представители современной уголовно-правовой науки отмечают это. [1]

Рациональность наших советов и выводов корреспондирует с иррациональностью мышления и выводов существующей конъюнктуры изменения уголовно-правовых норм.

Это вполне объяснимо. И, к сожалению, не только устойчивым представлением о качестве юридической подготовки законодателей и штата их помощников. Начнем с того, что ограниченность применения выводов любой доктрины (будь это концепция социального натурализма, структурного индетерминизма либо более низкая по уровню социального обобщения теория виктимологии закона) основана на констатации того, что любая социальная теория, описывающая нормативные рамки девиантного поведения личности или социальных общностей, методологически ограничена сферой ее применения.

Универсальность теоретического подхода отлично описывает общие состояния социальной модели, но блокируется недоступностью использования при формулировке конкретного уголовно-правового запрета. И дело здесь в том, что вера теоретиков в единство и силу позитивного права и закона наталкивается на бесконечное множество и разнообразие форм и проявлений человеческой активности, не все из которых подчиняются единым законам и принципам индетерминистической логики уголовно-правового запрета.

Нам уже доводилось писать о противоречиях между казуальностью повседневности, когда случай, стохастическое совпадение определенных взаимодействий вещества, информации и энергии порождает криминальность, и формальной логикой закона, в прокрустово ложе которого мы пытаемся втиснуть:

- и криминальных по своей природе сексуальных первертов Ломброзо,
- и эксплозивных установочных семейных насильников Фрейда,
- и вечно голодных и озлобленных Марксовых люмпенов,
- и стремящихся к признанию хулиганов Адлера и Фромма
- и ведомых жаждой власти «оборотней» Вебера в белых воротничках
- и создателей неведомого компьютерных гениев Маслоу
- и уходящих за грани рационального аномийных субъектов Дюркгейма и Мертона.

Специалисты в области криминальной мотивации отметят, что вышеназванные субъекты в чистом виде встречаются в единицах уголовных дел, когда 11 процентов правонарушителей совершают 90 процентов общеуголовных преступлений. Причины же большинства иных деяний носят ситуативный характер и не осознаются в полном объеме лицами, их совершающими. Естественно, что доктринальные положения теоретиков уголовного права не в состоянии описать это.

Невозможно рационально описать иррациональность, познать энергетику виктимности, любви, горя, ненависти, страха и алгебраически выписать сан-

кции за деяния, ими вызываемые. Невозможно описать силу энергетического воздействия толпы и социально-психологического заражения и подражания.

Возможно, даже не стоит и пытаться это делать, оставив оправданные практикой столетий инструменты воздействия на общеуголовную «ядерную» преступность и декриминализовав большинство деликтов, исходя из принципа свободы воли, веры в рациональность права и защиты личных прав и свобод.

Может быть, стоит даже вернуться к забытому старому, рассматривая преступление не как посягательство на общество, а прежде всего как «обиду» личности, социальной группы, государства. «Обиду» потерпевшего в широком смысле этого слова?

Мы пытаемся вновь через века забвения сделать фигуру потерпевшего центральной в системе криминально-правовых норм современности.

Виктимология криминального закона пытается описать, как и каким образом характеристики жертв преступлений влияют на возникновение, изменение и прекращение уголовно-правовых отношений. В этом плане представляет теоретический интерес последовательная отработка действующего законодательства с точки зрения максимального соблюдения фундаментальных прав жертв преступлений (см. Декларацию ООН Основных принципов правосудия для жертв преступления и жертв злоупотребления властью).

В таком контексте последовательный анализ разделов Первого и Второго Общей части Уголовного кодекса Украины приводит к следующим выводам:

1. В Преамбуле Уголовного Закона должны содержаться ссылки на конституционную обусловленность уголовно-правового запрета, связанность его нормами Конституции государства и международно признанными основными принципами и фундаментальными свободами человека и гражданина. Среди участников уголовно-правовых отношений (преступник — государство — потерпевший — третьи лица) центральное место должен занимать потерпевший. Сущностью и содержанием ответственности должна выступать только кара, а компенсация и восстановление в правах потерпевшего, — отнесены к иным обязательным мерам реагирования на преступное деяние.

2. Основной, а может и единственной целью Уголовного кодекса должно стать правовое обеспечение охраны прав и свобод потерпевшего от преступления. Иные деяния должны быть декриминализованы, переведены в разряд уголовных проступков, либо возбуждаться по жалобе потерпевших (в том числе государства и иных социальных общностей).

3. Расширение системы частного обвинения должно привести и к расширению альтернативных способов реагирования на преступление. Это предполагает описание в I разделе Общей части УК проблематики связанной с применением к виновному не только наказания, но и иных мер уголовно-правового воздействия (безопасности, социальной защиты, реституции, ком-

пенсации). Здесь же требуется описание дополнения к принципу 'ne bis dem idem' ссылкой на то, что отбытие наказания не освобождает от ответственности преступника перед потерпевшим

4. Принципы действия уголовного закона по кругу лиц должны быть дополнены патронажным принципом и указанием на обязательность компенсационных выплат вне зависимости от реализации ответственности в ином государстве.

И наконец, главное — Уголовный кодекс должен быть выписан не для правоприменителей и правонарушителей, а для потерпевших.

Особый цинизм ситуации в доктрине современности состоит в том, что мы адресуем ее правоприменителям, а не тем, кого защищаем. Для этого нужно время, иная философия, наработки в юридической лингвистике, но без этого мы не будем в состоянии перебороть основное противоречие современного уголовного права, существующее вне зависимости от страны, культуры и идеологии правящей партии: ратуя за безопасность простых людей, мы создаем доктрину и огромную систему наказаний для правоприменителей, используем ее для правонарушителей, а народ по-прежнему злоумышленно ворует гайки с необъятных просторов славянских железных дорог, не задумываясь о том благе, которое мы для него делаем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Право України. — 2010 — № 9. — С. 4-131.

О.В. ТУРЧЕНКО

Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова

ДИСКУСІЙНІ ПИТАННЯ КВАЛІФІКАЦІЇ ДІЯНЬ, ПОВ'ЯЗАНИХ З ОБМАНОМ ПОКУПЦІВ ТА ЗАМОВНИКІВ

У процесі формування в Україні з початку 90-х років ХХ сторіччя ринкових відносин, підтримки і захисту підприємництва, здійснення певного контролю за дотриманням порядку ведення господарської діяльності, виникнення багатуокладної економіки серед різного роду явищ, що негативно впливають на розвиток економічних відносин стало виявляти себе незаконне підприємництво, обман покупців та замовників як один з проявів нечесної підприємницької практики [1].

З'ясування принципів засад змісту правового регулювання відносин між державою та суб'єктами господарювання неможливо без урахування таких соціально-політичних факторів, як національні економічні інтереси; національний економічний та інформаційно-інтелектуальний суверенітет; національна економічна та інформаційна безпека. Саме трикутник цих взає-